

ЗНАЧИМОСТЬ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ» ДЛЯ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

Бондаренко Е.В.
Белгород

Выделение философских категорий «пространства» и «времени» и важность их роли в функционировании языковых систем весьма условны и относительны.

Все существует во времени и пространстве, но каждая конкретная языковая система существует, функционирует и развивается в своем конкретном времени и пространстве. Их мы можем определить как внутренние время и пространство, присущие только данной языковой системе. Эти категории выделяются при описании любого синхронного среза языка по наличию отличительных характеристик, присущих именно этому состоянию языковой системы. Пространство и время определенного синхронного среза языка отличны от таких же категорий любого другого среза. В основе нашего исследования лежат постулаты синергетического характера о том, что все в этом мире системно и структурно и важнейшей чертой любого естественного феномена является его самодостаточная внутренняя организация. Перманентное поступательное движение (или развитие) систем различной сложности осуществляется во времени. При этом мы не прибегаем к мегодикам теории глоттохронологии М.Сводеша или Дж.Гринберга (относительная хронология). Мы усматриваем в самой системе языка, в потенциях ее структуры мощные внутренние силы и системные, функциональные связи, анализ которых позволит нам, надеемся, проследить общие тенденции линейного развития поступательного движения самой системы.

Пространственно-временная характеристика языковой системы является одной из важнейших категорий ее качественной определенности. Говоря о состояниях языковой системы, мы, прежде всего, имеем в виду пространственно-временные рамки, далее следуют языковые особенности данного синхронного среза.

«Время» и «пространство» являются важнейшими системообразующими факторами. Категория «время» может быть понята и как нейтральная по отношению к языковой системе. Может показаться, что время лишь регистрирует факт существования языковой системы, никак на нее не влияя. Но нам кажется, что такое представление ошибочно. Время является весьма активным фактором, воздействующим на систему языка.

Время как некая протяженность, длительность, способствует развитию и функционированию системы. Но оно является так же и системоразрушающим фактором. Хотя понятие системоразрушения следует понимать диалектически. Разрушение одних систем всегда сопровождается возникновением новых. Время, как прошлое так и будущее, представляется как нечто внешнее по отношению к конкретному состоянию языковой системы, ибо её внутренним временем является «настоящее». Синхронный срез языка актуален. Он существует «здесь и сейчас» для определенного пространственно-временного отрезка. Прошлые

состояния этой языковой системы уже отчуждены от ее нынешних. И, тем не менее, они воздействуют на нее как предыдущие ступени развития. Процессы, начатые в прошлых состояниях языковой системы, находят свое дальнейшее развитие и продолжение в ее нынешнем состоянии. Языковая система в своем нынешнем состоянии непосредственно опирается и исходит из своих прошлых состояний, т.н. «снятая диахрония». В исследовательских работах синхронного плана важны и диахронические данные. И их роль постоянно возрастает. С расширением и углублением наших знаний о прошлых состояниях языковой системы мы получаем возможность более точно делать выводы о ее нынешнем состоянии и о возможностях будущего развития.

Будущее еще не принадлежит языковой системе, однако все ее нынешнее развитие сосредоточено на достижении будущего. Говоря о будущем, мы невольно должны соприкоснуться с понятием «результат». Ведь будущее языковой системы представляется как определенное состояние языка, логически следующее за его нынешним состоянием. Иначе говоря, время как будущее в нашем сознании связано с возможным состоянием рассматриваемой системы, которое есть результат ее развития. При первичном рассмотрении понятия «будущее» и «результат» синонимичны. Но, погружаясь в исследуемую проблематику, мы приходим к пониманию того, что результат, как некоторое достигнутое или предвидимое состояние языковой системы, может изменять саму систему, взаимодействие элементов ее структуры и/или их функций. Результат выступает как своеобразный фактор, корректирующий развитие.

Будущее, однако, есть неизбежность, необходимость развития. Оно влияет на системоизменение тем, что его зачатки существуют в настоящем, и существовали в прошлых состояниях языковой системы. Диахроническое существование и развитие этих языковых тенденций будущего и определяет дальнейший ход развития языковой системы. И, тем не менее, хотелось бы, при всем понимании и принятии реконструкции предшествующих этапов диахронического развития языковой системы вообще, германской и даже индоевропейской в частности, сказать, что на сегодняшний день вопрос об адвентной реконструкции (вектор вперед, по Мигачеву, вновь актуален). Все, что было с нашими языками до и после письменных памятников, с этим все давно (со времен Ф.Боппа и А.Шлейхера) уже, полагаем, согласились, но, то, что современная лингвистика в состоянии узнать и то, что будет с нашими языками и, следовательно, с нами в будущем, нам предстоит еще выяснить. Языковая система в диахронии для этого лучшая эмпирия. Логика подсказывает: если мы, изучив ретроспективные тенденции развития, к примеру, германской языковой системы 20 → 18 → 15 → 10 → 4 века можем реконструировать прагерманское состояние этой системы, то логично было бы провести адвентную реконструкцию 4 → 10 → 15 → 18 → 20 → 21 вв. и, выяснив определенные закономерности и разработав методику адвентной реконструкции, предсказать дальнейшее развитие систем наших языков.

Методология современных синергетических исследований последних лет поможет нам в этом. Коль скоро мы признаем системность и структурность такого сложнейшего феномена, коим является язык, то мы должны также а *limine*

признать предсказуемость его дальнейшего развития во времени как определенного синергетического объекта. Лаплас считал, что в мире нет ничего непредсказуемого, ибо законы развития всего сущего однозначны, их просто надо вскрыть и осознать. Лишь тогда ими можно будет управлять, в случае надобности противостоять им или пассивно подчиняться. Любая случайность в общем потоке развития какого-то явления или события, таким образом, является результатом или примитивного незнания этих каузальных законов или простым игнорированием их.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЭМОЦИЯ»

Бородкина Г.С.
Воронеж

Когнитивный подход к языковым явлениям, все чаще избираемый в последнее время в качестве основной методологической стратегии, представляется наиболее продуктивным и при изучении феноменов, относящихся к сфере внутреннего мира человека.

Теоретическую основу исследований эмоциональных концептов составляют вопросы, связанные с отражением эмоциональных концептов в языковой картине мира, в частности, с такими, как выделение эмоциональной картины мира в отдельный предмет исследования, определение понятия «эмоциональный концепт», проблемы толкования эмоциональных слов и репрезентации эмоций в языке, а также современные когнитивные теории эмоций, изучающие вопросы соотношения эмоций и познания.

Представление о действительности, закрепленное в языковых знаках и их значениях составляет содержание *языковой картины мира*. Картина мира приобретает «новые краски» в ракурсе эмоциональной сферы сознания. *Эмоциональная картина мира* представляет собой мировидение, спроецированное эмоциональной сферой сознания и отражающее аксиологические приоритеты в национальной картине мира. Под *эмоциональным концептом* как «квантом структурированного знания» об эмоциях нами понимается определенный фрагмент эмоционального мира человека, зафиксированный когнитивной структурой в языке, то есть обозначенный лексемами класса «эмоции».

В этой связи возникает особый интерес к проблеме значения *слов с оценкой эмоции*. Некоторые ученые считают, что лексемы с обозначением базовых эмоций не подлежат анализу, поскольку являются „примитивными“, отражающими элементарные понятия, однако они могут служить предметом исследования описаний различных эмоциональных состояний (Oatley, 1992). Существует и другой подход, согласно которому эмоциональные лексемы предлагается рассматривать с помощью *прототипов* (B.Fehr, J.A.Russell, 1984; Kleiber, 1995). С введением категории «прототип» происходит отождествление «эмоции» и «понятия». Предполагается, что примерами понятия могут служить сами эмо-